

Генрих Гретц

История евреев

**от древнейших времен до
настоящего Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Г34

Г34 **Генрих Гретц**
История евреев: от древнейших времен до настоящего Том 2 / Генрих Гретц –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 386 с.

ISBN 978-5-518-02191-4

Перевод с 4-го исправл. и значительно дополненного последнего немецкого издания.

ISBN 978-5-518-02191-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

израэльтянамъ путемъ заимствованія, сдѣланнаго Моисеемъ приблизительно въ XV столѣтіи до Р. Хр.

Всякій еврей, болѣе или менѣе основательно знакомый съ Вибліей, сразу, конечно, можетъ мнѣ замѣтить, что господинъ Деличъ несетъ страшный вздоръ, котораго не стоитъ опровергать. Мнѣ кажется, что этотъ еврей былъ бы неправъ. И не потому, чтобы заявленіе берлинскаго профессора было основательно. Нѣтъ, мы ниже увидимъ, что оно дѣйствительно представляетъ всесторонній абсурдъ. Еврей, о которомъ я говорю, былъ бы неправъ по другой причинѣ. Всѣмъ извѣстная французская поговорка гласитъ, что каждый глупецъ всегда найдетъ изрядное число еще большихъ глупцовъ, чѣмъ онъ самъ, которые не только повѣрятъ, что онъ умнѣйшій человѣкъ, но будутъ трубить объ этомъ по всему свѣту. Намъ, евреямъ, больше, чѣмъ кому-либо извѣстна вся справедливость этой поговорки. Нѣтъ той бьющей въ глаза нелѣпности, по нашему адресу выпущенной въ обращеніе, которая не нашла бы миллионѣвъ сдѣловѣрующахъ и которую, при всякомъ даже неудобномъ случаѣ, намъ не поставили бы въ счетъ. И мнѣ кажется, что нужно обладать очень толстой кожей и весьма крѣпкими нервами, чтобы отъ всего этого отдѣлаться бездушно-спокойнымъ замѣчаніемъ, что собака, молъ, лаетъ, а вѣтеръ носитъ. Пусть г. Деличъ несетъ вздоръ, но это вздоръ авторитетный, обставленный ученымъ аппаратомъ,—вздоръ, который одобрительно выслушиваютъ во дворцахъ и который, едва родившись на свѣтъ, уже успѣлъ проникнуть въ учебники исторіи и въ энциклопедическіе словари. На такого рода вздоръ нельзя махнуть рукой, подъ тѣмъ предлогомъ, что евреямъ будто бы совершенно безразлично, убѣдитъ ли кого г. Деличъ, или не убѣдитъ. Въ той самой Германіи, еврейство которой мы походя обвиняемъ въ равнодушіи къ обще-еврейскимъ интересамъ, сразу поняло, что это далеко не безразлично. И все, что въ этой странѣ есть авторитетнаго, отъ ученыхъ раввиновъ и профессоровъ и до извѣстныхъ журналистовъ, десятками рукъ подняло перчатку, брошенную Деличемъ еврейству и дружно ополчилось противъ него и его единомышленниковъ. И только мы, русскіе евреи, ошеломленные и придавленные глубоко-печальными событіями, на насъ въ этомъ году обрушившимися, мы одни ничѣмъ не откликнулись на этотъ новый походъ противъ насъ, вмѣшавшіи, если вдуматься въ него, далеко не одинъ теоретическій интересъ.

Вернемся же къ глянзавымъ дощечкамъ г. Делича и къ ихъ надписямъ. Прежде всего замѣтимъ, что вътъ труда болѣе тяжелаго и неблагодарнаго, какъ дешифрованіе ассирійскихъ и вавилонскихъ надписей. Клинообразное письмо представляетъ опредѣленное число — не менѣе 300—идеографическихъ знаковъ, изъ которыхъ каждый изображаетъ самыя различные звуки, и даже не звуки, а цѣлыя слоги. Такъ одинъ знакъ—или, точнѣе, группа знаковъ—читается ab, be, ne, ku, da, и bil, другой знакъ служитъ для изображенія слоговъ bat, mik, nit, и sinu. На памятникахъ, написанныхъ такой тарбарской грамотой, ключъ къ которой представляетъ настоящее passe-partout, всякій ученый можетъ вычитать все, что ему ни заблагоразсудится. Лейпцигскій профессоръ Киттель, разбирая надпись, о которой сейчасъ идетъ рѣчь, говоритъ, что въ словѣ, которое Деличъ читаетъ lahve, второй слогъ ve читается также и pi, и pa, и pe, такъ что

вмѣсто lahve можно съ одинаковымъ правомъ читать jaame, jaari jauri или jaama. Другой ассиріологъ, берлинскій профессоръ Бартъ, довольно убѣдительно доказываетъ, что рядъ словъ, который Шейль читаетъ ja-ah-ve-ilu, а Деличъ переводитъ: „Iегова есть Богъ“ никакой фразы не представляетъ: это просто собственное имя, которое читается ja-su-el или ju-su-el. Оксфордскій ученый Сейфъ находитъ, что надписи на хорсабадскихъ дощечкахъ представляютъ ничто иное, какъ письма вѣскога вавилонянина, по имени Iaumilu, къ другому вавилонянину, котораго звали Ioelъ. На копецъ мюнхенскій ассиріологъ Нотпел, объ этихъ дощечкахъ написавшій цѣлую книгу, съ своей стороны доказываетъ, что надписи въ нихъ представляютъ частныя дѣловыя письма отъ вѣскога Iehoel или Ioel'я къ Iachmee'ю или Iachuel'ю, и что о какомъ бы то ни было божествѣ въ нихъ и помину нѣтъ.

Но допустимъ, что всѣ эти первоклассные авторитеты ассиріологін заблуждаются и что правъ одинъ Деличъ; допустимъ слѣдующее, что въ эпоху, къ которой эти дощечки относятся, т. е. въ 23 вѣкѣ до Р. Хр., вавилоняне знали и даже почитали Iегову. Такъ какъ это было за цѣлыхъ восемь столѣтій до Моисея и Синая, то Деличъ въ силу положенія post hoc ergo propter hoc приходитъ къ выводу, что культъ Iеговы анимированъ Моисеемъ у вавилонянъ. Но съ чего же Деличъ взялъ, что и этотъ культъ, и самое имя Iеговы, не были известны евреямъ и до Моисея? Изъ цѣлага ряда мѣстъ въ Библии видно, напротивъ, что не только Авраамъ, жившій приблизительно въ томъ же 23 вѣкѣ до Р. Хр., но и задолго, можетъ быть за тысячи лѣтъ до него, Ной, Эношъ и чуть-ли не самъ Адамъ знали израильскаго Бога и приносили ему жертвы. И знали именно подъ именемъ Iеговы. Въ 8 стихѣ 12 главы Бытій говорится „Wajjiben schom mizbeach ladopoi vajikru beschem adopoi“—*Авраамъ построилъ тамъ (въ Бетель) жертвенникъ Iеговы и призываетъ имя Iеговы*, т. е. молился ему; въ главѣ 6, стихъ 8, сказано, что Ной удостоился милости Iеговы, а въ стихѣ 20, что онъ воздвигъ Iеговѣ алтарь. Но особенно любопытенъ въ этомъ отношеніи 26 стихъ 4 главы: „У Сета,—гласитъ этотъ стихъ, родился сынъ, которому онъ далъ имя Эношъ“. *„Тогда стали называть Господа именемъ Iегова“* („Oz hichal likro beschem lhwh“). Сеть же былъ сынъ Адама, „перваго человека на землѣ“. Имя Iеговы, такимъ образомъ, было известно еще первобытнымъ обитателямъ передней Азій, за цѣлое тысячелѣтіе до того, какъ существовали самыя имена Израиля или Вавилона, за много лѣтъ до рожденія самаго Сина, родоначальника семитовъ. Весьма интересное замѣчаніе дѣлаетъ по этому поводу одинъ изъ оппонентовъ Делича, Leindörfer. „Всякому гебрансту, говоритъ онъ, известно, что глаголь kpr (кара) первоначально означалъ не только звать, называть, но и читать, а весьма вѣроятно также, и писать. Слово „oz hichal likro beschem lhwh“ поэтому можно и даже слѣдуетъ понимать въ смыслѣ: „тогда стали читать и писать имя Господа: „lhwh“. Сама Библия даетъ такимъ образомъ ключъ къ пониманію надписей на вавилонскихъ глиняныхъ дощечкахъ, въ томъ случаѣ, если Деличъ ихъ прочиталъ и перевелъ совершенно правильно. Leindörfer подтверждаетъ свое мнѣніе ссылкой на Иосифа Флавія, историка, жившаго, какъ известно, въ первомъ вѣкѣ христіанской эры.

Во 2 и 3 главахъ первой книги своей „Исторіи Іудейской Войны“ Флавій говоритъ, что потомки Сета первые открыли законы теченія звѣздъ и наблюденія свои „записали“ на двухъ столбахъ. „Дабы,—говоритъ Флавій,—это открытіе навѣки сохранилось въ пѣмтвѣ людей и приносило имъ пользу, они соорудили два столба, одинъ изъ кирпичей, а другой изъ камня и на обонѣхъ начертали открытые ими законы, для того, чтобы въ случаѣ, если кирпичный столбъ будетъ испорченъ водой въ новомъ потопѣ, остался бы каменный и научилъ бы людей искусству распознавать звѣзды и ихъ теченіе на небѣ. Каменный столбъ сохранился до настоящаго времени въ Сиріи“. Это показаніе Флавія подтверждаетъ, что искусство письма было извѣстно въ Сиріи уже за 3700 лѣтъ до Р. Хр. Конецъ 26 стиха 4 главы Книги Бытія такимъ образомъ не только можно, но и должно переводить: „и тогда стали называть и писать имъ Господа „Ihwh“. Исно, что если бы археологи нашли гдѣ-нибудь въ Азій памятники болѣе древніе еще, чѣмъ хорсабадскія дощечки, съ именемъ Іеговы, то это не только не противорѣчило бы Библии, но, наоборотъ, лишній разъ подтвердило бы ея указанія на то, что единобожіе существовало у предковъ израильтянъ за цѣлыя тысячелѣтія до Моисея.

Для того, чтобы Моисей могъ заимствовать у вавилонянъ монотеистическій культъ, очевидно, необходимы два условія: 1) чтобы до него израильтяне не имѣли никакого представленія о единомъ Богѣ, и 2) чтобы это единобожіе существовало у вавилонянъ. Мы видѣли, что перваго условія въ данномъ случаѣ нѣтъ, и что почитаніе единого Бога, подъ именемъ Іеговы существовало у израильтянъ чуть-ли не съ самаго Адама. Посмотримъ же теперь, какъ обстоитъ дѣло съ вторымъ условіемъ, т. е. знали ли и почитали ли того же Іегову вавилоняне. Заимствовать что-либо можно вѣдь только у того, кто это имѣетъ. Посмотримъ же, располагали ли вавилоняне въ дѣйствительности, а не на черепкахъ только, тѣмъ, что Моисей, по уиѣреніямъ Делича, у нихъ заимствовалъ? Всѣ первоисточники, всѣ памятники и вообще весь обширный матеріалъ, на который опирается исторія, свидѣтельствуетъ о томъ, что отъ перваго появленія своего на аренѣ исторіи и до самаго своего исчезновенія съ нея вавилоняне косіяли въ самомъ грубомъ идолопоклонствѣ. Пользуясь названіемъ Іенсена („Assyrisch-babylonische Epen und Mythen.“ Berlin 1900 г.), и попытался было составить списокъ вавилонскихъ боговъ, но нѣтъ оказалась такая масса, что я реестра своего такъ и не кончилъ: сверхъ нѣсколько десятковъ общенациональныхъ боговъ, которымъ поклонялись во всемъ Вавилонѣ, каждый городъ въ этой странѣ имѣлъ еще своихъ сирціальныхъ боговъ, такъ сказать мѣстнаго производства. Тѣ и другіе имѣли сверхъ того женъ и дѣтей, которыя, разумѣется, тоже причислялись къ сонму боговъ и доводили ихъ число до весьма почтенной цифры. Я же, какъ еврей, привыкъ думать, что совершенно безразлично поклоняется ли народъ двумъ богамъ, двадцати или двумъстамъ. Миѣ, какъ, вѣроятно, каждому изъ насъ, всегда казалось, что и въ умѣ и въ сердцѣ человѣческомъ можетъ уместиться только одинъ Богъ, и что если ихъ туда попало больше, то это ужъ не боги, а, такъ сказать, суррогаты божества или попросту идолы. Конечно, каждый народъ имѣетъ полное право насочинять себѣ какое ему угодно число боговъ, но вавилоняне положи-

тельно злоупотребляли этимъ правомъ. А такъ какъ количество въ данномъ случаѣ обратно-пропорціонально качеству, то не трудно представить себѣ, что это были за боги. Объ этомъ можно судить по тѣмъ сценамъ, которыя происходили на вавилонскомъ Олимпѣ, гдѣ всѣ эти Бели, Мардукъ, Шамаши, Ану, Лилму, Кисары съ ихъ супругами и чадами давали другъ другу форменныя баталіи и устраивали настоящія оргіи.

Мыслимо ли, чтобы у народа иля, вѣрнѣе, у орды съ такого рода религіозными представленіями могла возникнуть идея о единомъ духовномъ Богѣ. Если бы Деличъ въ доказательство своей гипотезы представилъ намъ не двѣ, а двѣсти тысячъ глиняныхъ дощечекъ съ иероглифами достовѣрными, а не крайне сомнительными начертаніями имени Іеговы, мы и тогда не повѣрили бы, что у этихъ полудикихъ идолопоклонниковъ существовалъ какой-либо религіозный культъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ напоминающій религію Авраама, Моисея и Іешаи. И въ самомъ дѣлѣ, если бы у вавилонянъ что-нибудь подобное дѣйствительно существовало, то въ огромной массѣ вавилонскихъ надписей, до сихъ поръ разобранныхъ, въ зисѣ, многахъ и легендахъ этого народа, до насъ дошедшихъ, или наконецъ въ законахъ Гаммураби, словомъ, гдѣ-нибудь объ этомъ хоть въ двухъ словахъ было бы упомянуто. Между тѣмъ, ни на одномъ изъ этихъ безчисленныхъ памятниковъ, даже весьма дальнорокій въ этомъ отношеніи Деличъ и тотъ же могъ открыть ни имени, ни культа Іеговы. Въ такихъ условіяхъ очевидно, что хорсабадскія дощечки, какъ бы берлинскій профессоръ ихъ надписи не читалъ, вавилонскаго монотеизма не спасутъ.

Надо, впрочемъ, отдать справедливость Деличу. Онъ не первый пытается равнѣчать Моисея. И до него были ученія москиты, усердно лаявшія на еврейскаго слова. И какія только легенды на этотъ счетъ не сочиняли! Моисей воспитывался при дворѣ Фараова, познакомился тамъ съ египетскими законами и изъ нихъ выкроилъ свой *Sepher ha-Berit*. Трудно представить себѣ что нибудь столь же нелѣпное. Всю жизнь свою Моисей посвящалъ тому, чтобы отучить свою израильскую орду отъ отвратительнаго египетскаго идолопоклонства и не менѣе отвратительныхъ нравовъ, съ этимъ культомъ связанныхъ. Пятьдесятъ лѣтъ онъ возился съ этими, одичавшими изъ Гошенѣ, рабами, усердно очищая ихъ отъ насѣвшей на нихъ тамъ грязн, стараясь возратить имъ человѣческой образъ, сдѣлать ихъ чистыми, свободными, нравственными, заставить ихъ увѣровать въ единого Бога. Мыслимо ли, чтобы этотъ человѣкъ чтобы то ни было являлся у египтянъ, которыхъ онъ презиралъ и не вливалъ всей душой? Да что онъ могъ у нихъ занять? Законы? Но на чемъ поколосъ египетское законодательство? На неограниченной царской власти, на строгой теократіи и на системѣ кастъ. Главнымъ же устоями Моисея законодательства были: самоуправленіе народа, независимость отъ духовенства и отсутствіе классовыхъ подраздѣленій. Если Моисей чему-нибудь научился въ Египтѣ, то не тому, какіе законы слѣдуетъ дать израильтянамъ, а какіихъ имъ давать не слѣдуетъ. Крайній египетскій политеизмъ сдѣлалъ его такимъ же крайнимъ монотеистомъ, деспотизмъ фараоновъ сдѣлалъ его демократомъ, а клерикализмъ египетскій—анти-клерикаломъ.

Теорія о египетскомъ происхожденіи Моисеева законодательства, однимъ словомъ, оказалась издоромъ. Но на смѣну ей новѣйшими англій-

скими фольклористами тотчас выдвинута была другая, такъ называемая, индійская гипотеза, въ угоду которой Моисей заставляли даже съѣздить путешествовать въ Индію, для того, чтобы заимствовать свое законодательство у древнихъ брамавовъ, назъ ихъ кодексъ Ману. Самы авторы этой фантастической теоріи признають, впрочемъ, что ни въ еврейскихъ, ни въ индійскихъ, ни въ какихъ-либо другихъ источникахъ они не нашли никакихъ указаний на эту поѣздку или на какія-нибудь заимствованія Моисея изъ Индіи. Они говорятъ лишь о большой вѣроятности того и другого. Но въ основаніе законотъ Ману положенъ тотъ же политеизмъ, та же система строго-разграниченныхъ кастъ и та же теократія, что въ Египтѣ. И если мы вмѣстѣ съ Эберсомъ, Вельгаузеномъ, Штаде, Эвальдомъ и другими отвергнемъ синайское откровеніе и допустимъ, что, Моисей самъ никакого представленія о единбожій, Іеговѣ и т. д. не имѣлъ; если мы, наконецъ, вмѣстѣ съ этими учеными допустимъ, что, въ неизмѣнимъ своего бога и своихъ законовъ, Моисей долженъ былъ искать чужихъ, то спрашивается, вѣдѣтъ же ему было отправляться въ далекую Индію, если только самое онъ имѣлъ подъ рукою, въ Египтѣ.

Іегову и законы Моисей, такимъ образомъ, не удалось прпротронуть ни на берегахъ Нила, ни у водъ Ганга. И вотъ, когда обѣ эти теоріи самымъ позорнымъ образомъ провалились, на сцену выдвинута была новая, вавилонская. Мы не сомнѣваемся, что когда и этотъ, столь наумѣншіи, мыльный пузырь также скандально лопнетъ, какъ египетскій и индійскій, то непременно найдется какой-нибудь новый Деличъ, который съ вещественными доказательствами въ рукахъ будетъ доказывать, что Моисей ѣздилъ въ Сандвичевы острова и привезъ оттуда готовый сводъ законотъ, признавая его у высокопресвѣщенныхъ каванковъ. И если ученые до этого пока еще не дошли, то просто потому, что вавилонская теорія еще не думаетъ умирать. Намъ поэтому, какъ никакъ, приходится къ ней вернуться.

Если бы Деличъ и его сподвижники ополчились на Библию только съ двумя глиняными дощечками своими, то ихъ, какъ противниковъ, можно было бы, разумѣется, совершенно игнорировать. По воробьямъ изъ пушекъ не стрѣляютъ и въ открытыя двери ломаться не за чѣмъ. И самъ Деличъ понимаетъ, что выступать съ такимъ жалкимъ оружіемъ противъ такого сильнаго противника какъ Моисей, значитъ сдѣлать себя смѣшнымъ въ глазахъ всего міра. И если бы онъ не располагалъ болѣе сильнымъ—въ его глазахъ, по крайней мѣрѣ—оружіемъ, то ояъ, по всей вѣроятности, припряталъ бы свои дощечки съ письмами Іоеля, превращеннаго въ Іегову, и міръ такъ и не узналъ бы, что еврейскій Богъ украденъ у вавилонянъ. Но у Делича еще имѣется сверхъ того большая коллекція каменныхъ плитъ, кирпичныхъ столбовъ и цѣлыя горы всякихъ обломковъ и черепковъ, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ, что не только Моисей но и ветхозавѣтные евреи вообще были плагиаторами. Вмѣстѣ съ монотеистическимъ культомъ они эскамотировали у вавилонянъ ихъ гуманнѣйшіе законы, ихъ религиозные обряды и даже древнѣйшія легенды. Библийскіе рассказы о сотвореніи міра, о грѣшоадевіи, о потопѣ оказываются не еврейскими преданіями, а вавилонскими. И если вы до сихъ поръ были увѣрены, что празднованіе субботы есть исконный еврейскій обычай

или обрядъ, то вы заблуждались: „суббота“ это ничто иное, какъ вавилонское „шабату“, перенесенное въ Палестину изъ Вавилона Моисеемъ, или кѣмъ-нибудь другимъ послѣ него.

Пользуясь переводами Шрадера¹⁾ и Деллча²⁾, приводимъ вавилонское преданіе о сотвореніи міра:

„Въ началѣ всѣхъ вещей, когда вверху еще не было неба, а внизу не простиралась земля, изъ бездны хаотическихъ водъ поднялся, въ образѣ семиголоватаго дракона, великій духъ Тіамать и сотворилъ боговъ Лазму и Лахаму, Сара и Кисара, Аву и Мардука... Когда же эти боги захотѣли создать міръ, то Тіамать въ страшномъ гнѣвѣ восталъ противъ нихъ. Изъ пѣдръ своихъ онъ произвелъ ужасныя чудовища, въ видѣ исполнскихъ ядовитыхъ змѣй, и въ союзѣ съ ними объявилъ мятежнымъ богамъ войну. Боги дрожали отъ страха. Одинъ лишь Мардукъ, богъ свѣта и солнца, не испугался могучаго противника и принялъ вызовъ, въ надеждѣ, что побѣда надъ Тіаматомъ сдѣлаетъ его первымъ среди боговъ. Окнуувъ сѣтями всѣ четыре стороны бездны, дабы ни одинъ богъ не могъ ускользнуть, Мардукъ въ блестящемъ вооруженіи сѣлъ на колесницу, запряженную четырьмя огненными конями и предъ изумленными его безумной отвагой богами, ринулся прямо на Тіамата. При видѣ противника, великій духъ огласилъ бездну страшнымъ воинственнымъ вѣскомъ, широко раскрывъ при этомъ свою исполнскую пасть. Но прежде, чѣмъ Тіамать успѣла ее закрыть, Мардукъ нахнулъ въ нее ядовитымъ вѣтромъ и метнувъ въ противника свое копьё, вонзилъ его ему въ самое сердце. Обезоруживъ затѣмъ тіаматову святу, Мардукъ всталъ на трупъ семиголоватаго дракона и однимъ ударомъ своего меча распласталъ его, какъ рыбу, на двѣ равныя половины. Изъ одной половины Мардукъ сдѣлалъ небо, а изъ другой землю. Небо онъ одѣлъ солнцемъ, луною и звѣздами, а землю снабдилъ животными и растеніями. Изъ смѣси же глины съ кровью Тіамата Мардукъ создалъ затѣмъ человѣка“.

Эту легенду Деллчъ сопровождаетъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

„Если мы примемъ во вниманіе,—говоритъ онъ,—что Мардукъ былъ богомъ города Вавилона, то намъ нетрудно (?) будетъ понять, что именно это преданіе должно было получить самое широкое распространеніе въ Ханаанѣ (??). Ветхозавѣтные поэты и пророки, разумеется, воспользовались имъ и при этомъ дошли до того, что героическіе подвиги Мардука приписали своему Іеговѣ, прославляя послѣдняго, какъ творца вселенной“.

Выходитъ, стало быть, что библейскій рассказъ о сотвореніи міра заимствованъ изъ только что разсказанной вавилонской легенды. Для нагляднаго сленія приведемъ всѣмъ извѣстное начало Книги Бытія:

„Въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю. Земля же (т. е. вселенная) представляла хаосъ и пустоту, надъ поверхностью бездны была тьма, и Божій духъ рѣялъ надъ водами. И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ“.

Надо умышленно закрывать глаза, чтобы не видѣть, что отъ одного разсказа до другого также далеко, какъ отъ неба до земли. Въ одномъ

¹⁾ E. Schrader. Die Keilinschriften und das alte Testament, 2.

²⁾ F. Delitach, Babel und Bibel, 1, 32.

творцомъ является одинъ единый Богъ, котораго преданіе просто называетъ „элогимъ“, не снабжая его никакими примѣтами, Богъ, слѣдовательно, безтѣлесный, духовный, вѣчносущій; въ другомъ, создателемъ является семиголовый драконъ, который создаетъ, однако, не самый міръ, а только коллекцію боговъ, такъ же, какъ овъ самъ, только чинимъ пониже. Міръ создаетъ затѣмъ одинъ изъ только-что сфабрикованныхъ боговъ и притомъ изъ весьма оригинальнаго матеріала, изъ трупа убитаго бога, своего же творца. И изъ этой чудовищно-глупой сказки, Деличъ выводитъ величавый въ своей простотѣ библейскій рассказъ о сотвореніи міра.

Перейдемъ къ другому открытію берлинскаго профессора.

„Вопросъ о происхожденіи библейскаго рассказа о грѣхопаденіи,—говоритъ овъ на 37 стр. своей первой брошюры,—имѣетъ весьма важное историко-религіозное значеніе, въ особенности для христіанскихъ теологовъ, которые, какъ извѣстно, виновнику появленія грѣха и смерти на землѣ, первому Адаму, протинуиоставляетъ второго. Да позволено же будетъ мнѣ приподнять завѣсу съ этой тайны и указать на старыи вавилонскій памятникъ съ барельефомъ, изображающимъ сцену въ раю. Въ центрѣ рисунка—дерево съ висящими внизъ плодами; справа отъ него—мужчина, котораго легко узнать по рогамъ (!), символу силы; слѣва женщина, за спиною которой називается змѣя. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что библейскій рассказъ о первородномъ грѣхѣ находится въ тѣсной связи съ этимъ древнѣйшимъ вавилонскимъ барельефомъ“.

Прежде всего замѣчу, что „тайна“, съ которой Деличъ впервые будто бы и съ такой торжественностью „приподнимаетъ“ здѣсь „завѣсу“, разоблачена задолго до него Смитомъ, описавшимъ этотъ барельефъ еще въ 1873 г. Кстати прибавлю, что какъ ученый Деличъ, вообще, весьма не безгрѣшенъ. Глиняныя дощечки, напримѣръ, на которыхъ овъ вычиталъ имя Іеговы, были найдены и надписи на нихъ разобрали не онъ, а Шрадеромъ, который, однако, никакого бога на нихъ не нашелъ. Деличъ, во вторыхъ, не прочь и фальсифицировать надписи, вставляя въ нихъ то, чего въ нихъ дѣйствительно нѣтъ и вышукая, наоборотъ, то, что въ нихъ есть, смотря потому, что ему въ его тенденціозныхъ цѣляхъ въ дѣланомъ случаѣ выгодише. Гебраисты, наконецъ, указываютъ на то, что Деличъ недостаточно знакомъ съ Библіей, той самой, которую онъ такъ храбро раздѣлываетъ по всей лавіи, и кромѣ того, не весьма твердъ въ самомъ языкѣ Библии. Оказывается, что овъ даже не знаетъ текста декалога, и шестая заповѣдь у него гласитъ „lo tiqtol“, вмѣсто „lo tirzach“. Махеръ замѣчаетъ, что Деличъ получилъ эту новую версию шестой заповѣди путемъ перевода съ нѣмецкаго, но при этомъ уступилъ изъ виду или просто не зналъ, что форма tiqtol и глаголъ qofal вообще въ Пятикнижии вовсе не встрѣчаются. Тотъ же Махеръ ставитъ профессору Деличу на видъ, что слово „scheol“ означаетъ не „рай“, какъ овъ его переводитъ на 39 стр. своей брошюры, а, напротивъ, преисподнюю, адъ, рекомендуя ему для разумевенія 10 стихъ 16-го и 16 стихъ 49-го псалма. Франкфуртскій раввинъ Гольдшмидтъ замѣчаетъ, что Деличъ неправильно переводитъ 8 стихъ 3 главы книги Бытія. Въ текстѣ этотъ стихъ гласитъ: וישמעו את קול יהוה אלהים מתהלך בנג לרוח היום Деличъ переводитъ его: „И

услышалъ она голосъ Господа Бога, прогуливавшася („Sprazierte“) въ саду при вечерней прохладѣ“ Деличъ не помялъ, что глаголъ *trillo* относится не къ Богу, а къ его голосу, *раздававшемуся* въ саду.

Всѣ эти маленькіе грѣхи Делича, впрочемъ, упомянуты здѣсь лишь мимоходомъ. Допустимъ, что все это несущественно и вернемся къ вавилонскому барельефу.

Замѣчательно, что ни одинъ ассиріологъ, ни самъ Деличъ не въ состояніи указать, къ какому именно времени относятся тѣ памятники, на которые они въ своемъ походѣ на Вавлію ссылаются. Между тѣмъ, для рѣшенія вопроса о томъ, заимствовали ли что-либо авторы Ветхаго Заветъ въ вавилонявъ, прежде всего необходимо знать что древнѣе, Вавлія ли, или деличевскіе памятники. Когда Вавлія составлена, мы приблизительно знаемъ, когда же всѣ эти надписи и рисунки сдѣланы, о томъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго представленія. А для рѣшенія вопроса о заимствованіяхъ параллельныя даты между тѣмъ безусловно необходимы. Въдѣ того, напримѣръ, чтобы утверждать, что легенда о грѣхопадѣніи есть пересказъ вавилонскаго преданія, надо прежде всего доказать, что барельефы, о которыхъ идетъ рѣчь, древнѣе книги Бытія. Разъ этого доказательства нѣтъ, всякія заявленія насчетъ заимствованія представляются совершенно произвольными, тѣмъ болѣе, что какого либо письменнаго доказательства того, что у вавилонявъ вообще существовало преданіе о грѣхопадѣніи, нѣтъ. Въ своемъ же утвержденіи о заимствованіи, Деличъ опирается исключительно на этотъ рисунокъ. Доказательства же, что послѣдній изображаетъ именно сцену искушенія, также никакого нѣтъ: надпись на немъ отсутствуетъ, а самъ рисунокъ такъ туманенъ, что въ немъ можно видѣть все, что угодно. Кенпигъ, напримѣръ, находитъ, что, несмотря на рога,—которые, по мнѣнію Делича, являются символомъ челоуѣческой или мужской силы, а не иволыей,—фигуры могутъ быть обѣ мужскія и обѣ женскія. Киттель утверждаетъ, что на барельефѣ изображены два бога. Шрадеръ замѣчаетъ, что на рисункѣ не представленъ существеннѣйшій моментъ библейскаго разсказа, т. е., не видно, чтобы женщина вручала мужчине запретный плодъ. Видны лишь двѣ фигуры, наряженныя въ костюмы, о какихъ въ древнемъ Вавилонѣ и представленія не имѣли, и сидінія на стульяхъ, какіе нлвѣрно и теперь въ средней Азіи составляютъ большую рѣдкость. Эттли прямо говоритъ, что его фантазія не настолько богата, чтобы она въ этомъ рисунокѣ могъ видѣть сцену грѣхопадѣнія. Мейертъ, наконецъ, въ деревѣ на барельефѣ находитъ большее сходство съ канделябромъ. Памятнику можетъ быть 200 лѣтъ, можетъ быть и 500, и 1000, и 2000. Деличъ же безъ всякихъ основаній находитъ, что ему *должно* быть 3500 лѣтъ, конечно, для того, чтобы изъ этой совершенно произвольной цифры придти къ столь же произвольному выводу, что библейскій разсказъ о грѣхопадѣніи заимствованъ у вавилонявъ. И это называется наукой!

Къ библейскимъ преданіямъ, которые теперь, словами Делича, „выступаютъ въ ихъ первоначальной и болѣе чистой формѣ“ на вавилонскихъ памятникахъ, относится также и преданіе о потопѣ. Берлинскій профессоръ и здѣсь остается вѣренъ своей манерѣ открывать давно открытія Америки, въ расчетѣ на дѣйствительное или мнимое невѣжество

своихъ слушателей и читателей. Вавилонское преданіе о потоцѣ извѣстно было еще вавилонскому жрецу и историку Берозу, жившему въ III вѣкѣ до Р. Хр. и рассказавшему его въ своихъ дошедшихъ до насъ книгахъ. Какъ ученый, писавшій по-гречески, Берозъ навѣрное зналъ Библію; какъ жрецъ и историкъ своего народа онъ, разумеется, гораздо лучше зналъ вавилонскую вѣру, законы и преданія, чѣмъ всѣ вышешіе ассириологи вмѣстѣ взятые. И тѣмъ не менѣе онъ нигдѣ не говоритъ, что евреи изъ всего этого что-либо внесли въ Библію. Да и вообще мысль о заимствованіи, напр., преданій, однимъ народомъ у другого—праздная и недоказуемая мысль. У всѣхъ древнихъ народовъ были свои легенды о сотвореніи міра, о потоцѣ и т. д., возникшія у нихъ въ незапамятные времена совершенно самостоятельно, независимо отъ другихъ: сходство легендъ объ одномъ и томъ же предметѣ у разныхъ народовъ объясняется, конечно, одинаковостью сюжета, а не заимствованиемъ. Если два художника, французъ и англичанинъ, въ XX столѣтіи изобразить на полотнѣ сраженіе при Ватерлоо, напримѣръ, то картины ихъ неизбѣжно будутъ имѣть нѣкоторое сходство. Но вправдѣ ли будетъ кто-нибудь въ XX столѣтіи сказать, что нѣмецкій художникъ скопировалъ свою картину съ англійской, или наоборотъ? Деличъ, между тѣмъ, ничуть не сомнѣвается, что и преданіе о потоцѣ пошло въ Библію изъ Вавилона. Посмотримъ же насколько эти преданія схожи. Вавилонская версія представляетъ рассказъ нѣкоего Самсаъ-Напистима, мѣстнаго Ноя, о томъ, какимъ образомъ онъ спасся отъ потопа и какъ онъ послѣ него приносилъ жертву богамъ. Я не буду передавать подлиннаго рассказа, слишкомъ длиннаго и также переполненнаго всякими мифологическими несуразностями, какъ и вышеприведенная легенда о сотвореніи міра. Волѣе важнымъ представляется мнѣ отношеніе къ этому рассказу Делича, который его передаетъ съ весьма характерными сокращеніями. Онъ напримѣръ, пропускаетъ то мѣсто, гдѣ въ оригиналѣ говорится, что боги, протежировавшіе вавилонскому Нюу, попали на боговъ, устраняющихъ потопъ и избили ихъ; Деличъ умалчиваетъ также и о томъ, что Самсаъ-Напистимъ спасся отъ потопа не за свою праведность (какъ библейскій Ной), а благодаря своему приятелю, богу Эъ, который наканунѣ катастрофы предупредилъ его, что она назначена на другой день. Что боги ужасно боялись потопа и укрывались отъ него на самомъ верхнемъ небѣ, что богъ Аву ихъ туда не пу- скалъ, что они, какъ дѣшныя собаки (выраженіе подлинника) обѣгали по- кругъ входа въ небесныя врата; что оберъ-богъ Вель послѣ потопа производитъ вавилонскаго Ноя и его жену въ боги, что при жертвоприношеніи проголодавшіеся во время потопа боги вабрасываются, какъ мухи, на жертву, имъ принесенную, и дерутся за куски жертвеннаго мяса,—все это Деличъ тща- тельно выпускаетъ изъ вавилонской легенды. Почему? Потому,—говоритъ Карлъ Іенчъ,—что онъ отлично понимаетъ, что любой изъ этихъ милыхъ эпизодовъ можетъ въ концѣ скомпрометировать вавилонскую легенду и въ корнѣ подорвать его гипотезу о томъ, что она послужила источникомъ для библейскаго преданія. Нѣкоторые изъ оппонентовъ Делича (Киттель, Этгли) тѣмъ не менѣе допускаютъ, что израильтяне могли вывезти легенду о потоцѣ изъ своей первоначальной родины, Вавилова. Но при этомъ они дѣлаютъ существенную оговорку. „Попавъ,—говоритъ Этгли,—въ среду библейскихъ

позтовъ и пророковъ, въ чистую атмосферу монотеизма, вавилонская легенда подверглась коренной переработкѣ и была очищена отъ языческихъ вѣлюностей, ее наполняющихъ“. На мой взглядъ эта оговорка уничтожаетъ самое предположеніе, ибо очевидно, что если вавилонскую легенду очистить отъ всѣхъ ея языческихъ наслоеній, то въ ней останется одинъ голый фактъ, что вѣкогда былъ потопъ, отъ котораго спасся одинъ смертный. Почему же евреи должны были занять этотъ фактъ у вавилонянъ, почему они не могли унаслѣдовать это преданіе отъ своихъ же предковъ, какъ греки, египтяне, персы и другіе, у которыхъ также были свои легенды о потопѣ? Неужели евреямъ даже легенды своихъ не разрѣшается имѣть?

Делпч и его сподвижники не довольствуются, впрочемъ, лишеніемъ евреевъ права собственности на библейскія преданія,—они идутъ гораздо дальше и, между прочимъ, отвергаютъ еврейское происхожденіе такого специфически-еврейскаго установленія, какъ празднованіе субботы.

„Удивительно,—говоритъ Делпч на 28 стр. своей брошюры,—что израильская традиція ровно ничего не знаетъ о происхожденіи субботы. А такъ какъ и въ Вавилонѣ былъ свой субботній день („Шабату“) и въ одномъ найденномъ тамъ календарѣ 7-ой 14, 21 и 28 день мѣсяца отмѣчены какъ дни, въ которые нельзя производить никакой работы, нельзя мѣнять оубье, разводять огонь, ѣздить въ колесницахъ, приносить жертвы, лѣчить больныхъ и творить судъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что учрежденіемъ субботы израильтяне обязаны древнѣйшему культурному народу, жившему на берегахъ Тигра и Евфрата.“

Прежде всего, почтенный профессоръ ошибается, утверждая, будто „еврейская традиція не знаетъ происхожденія субботы“. 11 стихъ 20 главы Исхода гласитъ: „Ибо шесть дней Господь творилъ небо и землю, море, и все, что въ нихъ, а въ седьмой день отдыхалъ. Поэтому Господь благословилъ день субботній и освятилъ его“. Повторяю эту заповѣдь въ 15 стихѣ 5 главы Второзаконія, Моисей велитъ израильтянамъ не производить въ субботу никакой работы, „дабы говорить онъ,—подобно тебѣ отдыхалъ и рабъ твой и рабыня твоа. Помни, что ты былъ рабомъ въ Египтѣ и что Господь Богъ вывелъ тебя оттуда рукою сильной и мышцею простиертой: потому и заповѣдалъ тебѣ Господь Богъ тноя соблюдать день субботній“.—„Происхожденіе“ субботы, такимъ образомъ, совершенно ясно для всякаго, кто хочетъ что-нибудь понимать. Въ Египтѣ евреи были рабами, не знавшими отдыха. Освободивъ эту орду отъ рабства, Моисей хотѣлъ, во первыхъ, чтобы она не одичала снова въ добровольномъ рабствѣ непрерывнаго труда, чтобы она знала, что не о единомъ хлѣбѣ живъ человѣкъ и что хоть одинъ день въ недѣлю надо посвятить себѣ, т. е. отдыху, и Богу, т. е. высшимъ, духовнымъ интересамъ. Моисей добивался, во вторыхъ, чтобы эти бывшіе рабы сами своихъ рабовъ не заставляли точно также работать безъ перерыва круглый годъ, какъ ихъ это заставляла дѣлать въ Египтѣ. Еслибъ Делпч далъ себѣ трудъ вникнуть въ смыслъ приведенныхъ цитатъ, то онъ бы, конечно, не сказалъ, что „еврейская традиція не знаетъ происхожденія субботы“. Но онъ этого труда дать себѣ не хотѣлъ, ибо не это совсѣмъ ему нужно: ему во что бы то ни стало хочется доказать, что суббота импортирована евреями изъ Вавилона. Посмотримъ же, что представляетъ собою эта вавилонская суббота.